

РАЗДЕЛ III. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111

Анурова О.М.

*Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет)*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕДАЧИ

Аннотация. В статье рассматриваются отличительные особенности модернизированного художественного текста и специфика его перевода на другой язык. Отмечается, что, будучи по сюжету обращено в прошлое, произведение такого типа обычно посвящено злободневным проблемам современной автору действительности, что находит отражение в использовании соответствующей лексики и фразеологии. В связи с этим исследуется репрезентация последней в тексте на переводном языке и приёмы, используемые при его передаче с целью достижения адекватности подлиннику.

Ключевые слова: модернизированный, текст, перевод, анахронизм, лексика, художественный.

O. Anurova

Moscow Aviation Institute (National Research University)

MODERNIZED BELLES-LETTRES TEXT: PROBLEMS OF TRANSLATION

Abstract. The article deals with the concept of “modernized belles-lettres/fiction text”, its characteristics and ways of translation. In this type of texts the plot is referred to the past, but the author focuses as a rule on present-day problems, and that is reflected in lexical items and phraseology. The article presents results of an analysis of phraseology in translations and the methods used to achieve adequate translation of the original texts.

Key words: modernized, text, translation, anachronism, lexical, fiction.

В наиболее общем виде термин «модернизированный текст» может применяться к таким произведениям, при

© Анурова О.М., 2014.

создании которых, «описывая явления прошлого (как своего, так и инокультурного), автор сознательно прибегает к анахронизмам, придавая тем самым

своему повествованию современно-злободневное звучание» [9, с. 87–88].

Следует отметить, что модернизация прошлого, т. е. обращение к истории (точнее – квазиистории), для отражения современности и выражения своего к ней отношения имеет достаточно давнюю традицию и известна, по крайней мере, с эпохи античности (принадлежащая Валерию Флакку версия «Аргонавтики» с целью пропаганды тогдашней римской политики на Востоке может служить наиболее известным, но далеко не единственным примером). Но, пожалуй, особенно заметный характер жанр «модернизированной истории» приобрёл уже в литературе XX столетия, что вполне понятно, учитывая, сколь богат был прошлый век социальными, политическими и культурными потрясениями всемирно-исторического масштаба. Среди тех, кто отдал дань подобного рода «осовремениванию прошлого», можно упомянуть таких различных деятелей мировой культуры, как Анатоль Франс, Михаил Булгаков, Лион Фейхтвангер и др.

Если говорить об англоязычной литературе XX века, то можно вспомнить некоторые пьесы Бернарда Шоу («Цезарь и Клеопатра», «Святая Иоанна» и др.) и, конечно такие романы, как «Я, Клавдий» и «Божественный Клавдий и его жена Мессалина» Роберта Грейвза и «Мартовские иды» Торнтон Уайлдера.

Можно отметить, что между произведениями Грейвза и Уайлдера (написанными, естественно, независимо друг от друга) существует определённое сходство. Их сюжет связан с римской историей, в которой в первой половине прошлого столетия просма-

тривались определённые параллели с тогдашней действительностью. Эпохи, выбранные названными авторами, также достаточно близки по времени: у Т. Уайлдера это I в. до н. э., у Р. Грейвза – I в. нашей эры. Главным героем «Мартовских ид» является Юлий Цезарь; романы Грейвза написаны от имени одного из представителей связанной с ним родственными узами династии Юлиев – Клавдиев. Наконец, определённая схожесть наблюдается и в том, что тексты и того и другого автора можно назвать «псевдодокументальными». Первый представляет собой своего рода имитацию исторической хроники, вторые – мемуаров. При этом говорить всерьёз о приёме мистификации читателя здесь вряд ли возможно – оба писателя отнюдь не скрывают своего авторства и не стремятся к тому, чтобы читатель воспринял эту «документальность» всерьёз. Так, в предисловии к «Мартовским идам» читаем: «Воссоздание подлинной истории не было первостепенной задачей этого произведения. Его можно назвать фантазией о некоторых событиях и персонажах последних дней Римской республики... Мною сделана попытка предположить, как протекали события, неравномерно отражённые в дошедших до нас свидетельствах... Все документы – плод авторского воображения» [8, с. 17–18]. Аналогично обстояло и с произведениями Р. Грейвза, роман которого «Божественный Клавдий и его жена Мессалина» начинается со следующих авторских слов: «Некоторые критики, говоря о книге “Я, Клавдий”, предшествовавшей “Божественному Клавдию”, высказывали мнение, будто, работая над ней, я почерпнул нужные мне сведения только

в “Анналах” Тацита и “Жизни двенадцати цезарей” Светония, сплавив их вместе, а всё остальное – плод моего “мощного воображения”. Это не так: не было так тогда, не так и сейчас. В число античных авторов, к помощи которых я прибегаю при создании “Божеественного Клавдия”, входят Тацит, Кассий Дион, Светоний, Плиний, Варрон, Валерий Максим, Орозий, Фронтин, Страбон, Цезарь, Колумелла, Плутарх, Иосиф Флавий, Диодор Сицилийский, Фотий, Ксифилин, Зонара, Сенека, Петроний, Ювенал, Филон, Цельс, авторы “Деяний апостолов”, апокрифические евангелия Никодима и Святого Иакова и дошедшие до наших дней письма и речи самого Клавдия. В книге почти нет событий, не подкреплённых историческими источниками того или иного рода, и, надеюсь, все они достаточно правдоподобны» [4].

Вместе с тем, именно доскональное и глубокое знание материала, который лёг в основу названных произведений, позволило Т. Уайлдеру и Р. Грейвзу там, где они считали это необходимым, отойти от той скрупулёзной фактографии, которая обычно присуща «собственно историческим» произведениям. Особенно ярко это проявляется в романе Т. Уайлдера, достаточно вольно обращавшегося с хронологией (по признанию писателя, к тому времени, к которому отнесено действие романа, «многие из <...> персонажей давно уже были мертвы» [8, с. 17]).

Однако для целей нашего исследования более важны, естественно, те «нарушения исторической перспективы» (ещё раз напомним, что они носят осознанный характер), к которым прибегают оба автора в языковом отношении. Ниже будут рассмотрены

некоторые наиболее, на наш взгляд, показательные примеры из названных произведений¹ – прежде всего в плане использования ими анахронизмов и аналоцизмов, т. е. «реалий, не совместимых с местом и временем действия оригинального произведения» [1, с. 76].

Однако вначале целесообразно сделать одну оговорку. Будучи весьма существенным стилистическим средством, придающим повествованию о прошлом современное звучание, применение анахронизмов – при всей внешней парадоксальности подобного утверждения – предполагает вместе с тем определённую степень историко-культурной подготовленности читателя и наличие у него определённых фоновых знаний. И это действительно справедливо, если взять, скажем, в одном из упомянутых романов Грейвза фразу:

Tiberius seized the vine branch from the captain and thrashed her above body and head until she was insensible [10, p. 254].

Для того чтобы понять наличие в данном случае сознательной анахронизации, необходимо обладать сведениями о том, что в римской армии соответствующие лица назывались центурионам. Таким образом, то, что можно условно назвать «глубиной» модернизации, будет неодинаковым для различных представителей читательской аудитории, что позволяет говорить о нескольких её «слоях» или разновидностях.

Наиболее заметный (или «поверхностный») слой выделяет в предисловии сам автор: “The marginal dates have

¹ Английские примеры приводятся по: [10], [12]; русские – по: [3], [8].

for convenience been given according to Christian reckoning... For convenience also the most familiar geographical names have been used: thus “France”, not “Transalpine Gaul” (оговаривая, правда, при этом: “It has been difficult to find suitable renderings for military, legal and other technical terms”) [10, p. 7].

Этот последний момент подводит читателя же ко второму – более глубокому «модернизирующему слою». Как уже отмечалось, он требует для своего опознания определённой минимальной осведомлённости о той действительности, которая описывается в произведении. Для его обозначения нами использован термин «титулатура». Под последней понимается «представленная в каждой культуре исторически сложившаяся система терминов, отражающих присущую данному обществу систему социальных отношений между его членами (звания, ранги, учёные степени, этикетные формулы и т. д.)» [9, с. 95]. Поскольку ярче всего она проявляется в военной сфере (принимая во внимание присущий ей жёстко иерархический характер), то именно когда речь идёт о римской армии применение модернизирующей лексики становится особенно заметным. Мы вряд ли встретим в оригинале такие лексемы, как «легион», «центурий», «когорта», «манипула» и т. д., вместе с тем в переводе мы их также не обнаружим, зато римская армия будет «заполнена» полками, батальонами, капитанами, полковниками и сержантами.

Из упоминаемой в приведённом выше высказывании писателя юридической (legal) сферы, представляет интерес следующий случай: “The Crown Prosecutor was a man called Afr, engaged for his eloquence” [10]. То, что в данном

случае налицо аналоцизм – использование английского термина, обозначающего обвинителя в суде, является очевидным. Однако в процитированном предложении налицо и более глубокая степень анахроничности, распознавание которой требует уже более фундаментальных познаний в области римской правовой системы. В большинстве найденных нами определений данного понятия подчёркивается, что “Crown Prosecutor is the title given in number of jurisdictions to the state prosecutor – a legal party responsible for presenting the case against an individual in a criminal trial” (Wikipedia [11]); в частности, “In Britain, a crown prosecutor is a lawyer, who works for the state and who prosecutes people who are accused for crimes” [7]. Таким образом, подчёркивается *государственный (state)* характер обвинительной функции, осуществляемой указанным лицом, т. е. речь идёт о должности, аналогичной прокурору. Между тем характерной особенностью древнеримского правосудия в данную эпоху называют как раз то обстоятельство, что «в Риме не было государственных прокуроров» [2, с. 452]. Это вытекало из принципа, согласно которому «инициатива обвинения принадлежит только отдельным гражданам – частным лицам; это так называемый *принцип частной accusatio* <...> если не находилось частных лиц, готовых взять на себя роль обвинителя, преступление оставалось безнаказанным <...> Уголовный процесс, таким образом, построен в значительной степени по началам гражданского...» [6, с. 154–155]. Изменено было подобное положение дел уже значительно позже – в период абсолютной монархии, когда «частная accusatio не

изменяется, но перестаёт быть исключительной; рядом с ней допускается и преследование по почину власти...» [6, с. 206]. Поэтому формально в качестве инициаторов обвинения выступали доносчики, к числу которых и принадлежал упомянутый в процитированном отрывке Аффр и которых ненавидело и боялось большинство римлян.

Во многом аналогичным образом обстоит дело и в произведениях Т. Уайлдера [12]:

– «It appears that you are engaged on that afternoon with the Spanish *Commission*»;

– “They have elected Catullus to be their *honorary secretary*”;

– “He also requests their permission to invite the Spanish Commissioner and the *Deputation of Twelve* to her house following the dinner”;

– “I protested and was taken into the *boudoir* and given some pastries”.

Все выделенные лексемы появились довольно давно, хотя и не в период римской империи, но за свой достаточно долгий путь приобрели различные контекстуальные, а также интерконтекстуальные оттенки значения, что позволяет читателю самому интерпретировать эти широко распространённые термины.

Естественно, что указанные особенности исходного текста (как бы ни относиться к ним с литературно-исторической точки зрения), в соответствии с требованиями переводческой адекватности, должны сохраняться и в переводе. Однако здесь возникает вопрос, связанный с тем, что условно можно было бы назвать «степенью контраста» такого рода анахронизмов (которые, вероятно, правильнее было бы назвать в данном случае «модер-

низмами») с культурным фоном описываемой эпохи.

Ниже рассматриваются некоторые случаи её отражения в русских переводах. В целом, говоря об использованной авторами русских версий (Г. Островской и Е. Голышевой соответственно) переводческой стратегии, можно – естественно, несколько условно – говорить о применении ими следующих приёмов:

1) «модернизирующая эквивалентность» – анахронизму в исходном тексте будет соответствовать анахронизм в переводе; ср.:

– Tiberius seized the vine branch from the *captain* and thrashed her above body and head until she was insensible. –

Тиберий выхватил у *капитана* виноградную лозу и хлестал Агриппину до тех пор, пока она не лишилась чувств (Г. Островская);

– I protested and was taken into the *boudoir* and given some pastries. –

Я стала возражать, и меня провели в *будуар*, где угостили пирожными (Е. Голышева);

2) «деанахронизация» – анахронизм ИЯ будет на ПЯ передаваться либо нейтральной единицей (по принципу переводческой генерализации), либо собственно античной реалией; ср.:

– He was Consul at Rome and when he passed the office to a reliable friend he took in exchange the “*High Command*” – which though a nominally on a level with the consulship, ranked in practice above this or any other magistracy. –

Он был консулом, а когда передал консульские полномочия надёжному другу, сделался *принцепсом*, что хотя номинально считалось равным консульству, было на практике выше него, да и любого государственного поста (Г. Островская);

– ...to *Madam President* of the College of the Vestal Virgins, etc., etc. – ... го-споже *верховой жрице* коллегии девственных весталок... (Е. Голышева);

3) анахронизация – при отсутствии анахронизма в оригинале он появляется в переводе; ср.:

– Here are ten gold pieces of my own and I am glad to pay them. – Вот тебе десять золотых *из моего кармана*, я рад их отдать (Г. Островская).

Между тем, как специально отмечалось в русско-латинском словаре В. Мусселиуса, римляне вообще «не имели карманов, а что надо было, клали в складку, которую тога образывала на груди» [5, с. 143];

– Sent from the royal *ship* on its arrival at Ostia. – Послано с царской *галеры* по прибытии в Остию (Е. Голышева).

В данном случае нейтральное слово *ship* (*корабль*, или, в обобщённом употреблении, *судно*) переведено словом *галера*. Между тем галеры – гребные военные корабли с одним рядом вёсел и двумя-тремя мачтами с треугольными и прямыми парусами, которые использовались в качестве дополнительного двигателя, впервые появились в Венеции в VII веке. Таким образом, их создание произошло восемь столетий спустя после событий, о которых идёт речь в романе.

В целом – что представляется вполне оправданным – у обеих переводчиц преобладает первый из рассмотренных выше способов передачи, хотя достаточно много и случаев, относящихся ко второму типу. В основном, они имеют место тогда, когда степень «хронологического контраста» представляется более сильной в русском варианте, чем в английском подлиннике.

На этом последнем моменте целе-

сообразно остановиться несколько подробнее. Например, наличие в англоязычном тексте, посвящённом античности, лексем типа *general* или *king* вряд ли свидетельствует об особой стилистической маркированности, поскольку они достаточно широко применяются и в собственно исторических трудах, когда речь идёт о полководце или монархе независимо от эпохи их жизни и деятельности. Однако именование в русском переводе, скажем, Цезаря в период галльских войн «генералом» или египетского фараона «королём» явно будет ощущаться как намеренное «осовременивание».

Таким образом, при общем сохранении свойственной исходному тексту модернизирующей тенденции, конкретные переводческие решения в каждом отдельном случае могут отличаться достаточно заметным своеобразием, а их изучение представляет большой интерес как для теории, так и для практики межъязыковой передачи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
2. Гиро П. Быт и нравы древних римлян. – Смоленск: Русич, 2000. – 576 с.
3. Грейвз Р. Я, Клавдий: роман / Пер. с англ. Г. Островской. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – 608 с.
4. Грейвз Р. Божественный Клавдий и его жена Мессалина / Перевод Г. Островской. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/INOSTRHIST/GREJVS/ron2.txt> (дата обращения: 17.02.2014).
5. Мусселиус В. Русско-латинский словарь. – СПб.: Издание К.Л. Риккерта, 1891. – 424 с.
6. Покровский И.А. История римского права. – Минск: Харвест, 2002. – 528 с.

7. Словарь Google. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.google.com.ua/dictionary?q=crown+prosecutor> (дата обращения: 17.02.2014).
8. Уайлдер Т. Мартовские иды. Теофил Норт. – М.: Художественная литература, 1981. – 543 с.
9. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Межкультурная адаптация художественного текста. – М.: Прометей, 2003. – 172 с.
10. Graves R. I, Claudius. – Random House, 1989. – 468 p.
11. Wikipedia, the free Encyclopedia. [Электронный ресурс]. – URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/CrownProsecutor> (дата обращения: 17.02.2014).
12. Wilder Th. The Ides of March. – New-York: Perennial, 2003. – 281 p.